

Изъ воспоминаній Евгенія Ивановича Ламанскаго,

(1840—1890 гг.).

X¹⁾.

Назначеніе барона Штиглица управляющимъ государственнымъ банкомъ и Е. И. Ламанскаго товарищемъ управляющаго.—Характеристика барона Штиглица.—Дѣятельность Е. И. Ламанскаго по организаціи внутренняго распорядка въ государственномъ банкѣ и по усовершенствованію техники его операций.—Отношеніе высшихъ государственныхъ установленій къ реформамъ въ банковомъ производствѣ.—Генераль-адъютантъ Чевкинъ.—М. Х. Рейтернъ.

Въ началѣ іюля 1860 года преобразованный изъ коммерческаго государственный банкъ открылъ свои операціи.

Еще въ періодъ разработки устава банка передъ высшимъ финансовымъ управленіемъ возникъ вопросъ: кого поставить во главѣ преобразуемаго банка. Являясь въ печати поборникомъ учрежденія акціонернаго банка съ правомъ выпуска кредитныхъ билетовъ, лично я естественно придерживался взгляда о необходимости назначенія на должность управляющаго такого банка опытнаго банкира, который былъ бы главнымъ руководителемъ задуманнаго нами центрального кредитнаго учрежденія. Кандидатъ на этотъ постъ въ моихъ глазахъ намѣчался самъ собою.

Дѣло въ томъ, что съ переходомъ управленія министерствомъ финансовъ отъ Брока къ Княжевичу и съ назначеніемъ Гагемейстера на должность директора кредитной канцеляріи на петербургской биржѣ возникли слѣдующія обстоятельства. Банкирскій домъ барона Штиглица, бывшаго въ то время единственнымъ и исключительнымъ банкиромъ русскаго правительства, давно уже возбуждалъ къ себѣ зависть со стороны дру-

¹⁾ См. „Русская Старина“ апрѣль 1915 г.

гихъ болѣе второстепенныхъ банкирскихъ домовъ. Пылкій по характеру Гагемейстеръ, не выносившій несправедливости такого положенія дѣлъ, желалъ уничтожить монополію барона Штиглица созданіемъ въ противовѣсъ ему другого могущественнаго банкирскаго дома. Въ то время обращала на себя вниманіе банкирская фирма Капгера, переселившася незадолго передъ тѣмъ изъ Гамбурга. Домъ этотъ, хотя и имѣлъ за собою репутацію сомнительнаго свойства, такъ какъ испыталъ, во время своей дѣятельности за границею, нѣсколько банкротствъ, по которымъ, впрочемъ, расплатился, тѣмъ не менѣе являлся для Гагемейстера возможнымъ соперникомъ Штиглица. Помимо Штиглица правительство обратилось въ первый разъ къ Капгеру съ порученіемъ заключить въ Лондонѣ заемъ за счетъ русскаго правительства. Попытка эта, къ сожалѣнію, не сопровождалась ожидаемымъ успѣхомъ, но съ своей стороны баронъ Штиглицъ, видя какъ бы принятое правительствомъ рѣшеніе оставлять его въ сторонѣ, уже задумалъ планъ о прекращеніи своихъ дѣлъ въ Петербургѣ и даже о совершенномъ выселеніи за границу. Такимъ образомъ, въ моментъ реформы государственнаго банка баронъ Штиглицъ былъ, такъ сказать, наканунѣ отъѣзда изъ Россіи. Связанный дружбою и давнишними отношеніями съ бывшимъ государственнымъ канцлеромъ Нессельроде и выступавшимъ уже тогда кандидатомъ въ министры финансовъ Рейтерномъ, онъ, по моему мнѣнію, естественно представлялъ изъ себя наиболѣе удобное лицо для того, чтобы занять вновь открывшуюся должность управляющаго государственнымъ банкомъ.

Я сообщилъ о своихъ предположеніяхъ Рейтерну, который вполне одобрилъ мою мысль и рѣшился дѣйствовать для приведенія ея въ исполненіе. Какъ ни трудно было уговорить барона Штиглица, Рейтернъ, благодаря связямъ съ Нессельроде, достигъ общежелаемой цѣли. Старикъ Нессельроде устроилъ у себя на Каменномъ острову (это было лѣтомъ) обѣдъ, на который пригласилъ Рейтерна, Гагемейстера и меня для совокупнаго убѣжденія барона Штиглица занять новообразуемое мѣсто управляющаго государственнымъ банкомъ. Онъ сперва было отказывался, но когда ему сообщили, что товарищемъ управляющаго предполагается назначить меня съ порученіемъ мнѣ ближайшаго завѣдыванія администраціею банка и операціями и что такимъ образомъ на немъ будетъ лежать лишь главное руководство дѣятельностью новаго кредитнаго учрежденія, баронъ Штиглицъ принялъ условно сдѣланное нами предложеніе. При-

ципіальнымъ согласіемъ Штиглица достигнута была первая часть нашей задачи. Предстояло преодолѣть главное затрудненіе: склонить къ осуществленію нашего предположенія самого министра финансовъ—А. М. Княжевича, побудивъ его обратиться съ соотвѣтствующею просьбою непосредственно къ Штиглицу. За устройство этого дѣла взялся я и на другой же день при свиданіи съ министромъ финансовъ убѣдилъ его написать барону Штиглицу письмо съ просьбою вступить въ управленіе государственнымъ банкомъ совмѣстно со мною.

Баронъ Штиглицъ не былъ такъ плохъ и глупъ, какъ многіе объ этомъ говорили; но онъ отличался чрезвычайно узкимъ горизонтомъ и носилъ слѣды дурного коммерческаго воспитанія. Вступивъ въ управленіе банкомъ, онъ относился съ полнымъ сознаніемъ долга и добросовѣстностью къ принятымъ на себя обязанностямъ. При этомъ завѣдываніе всѣми внутренними порядками банка онъ предоставилъ мнѣ и не вмѣшивался ни въ назначеніе лицъ, ни въ форму книгъ, счетовъ и т. д. Отношенія между мною и барономъ Штиглицемъ были самыя хорошія и вполнѣ любезныя, несмотря на разныя интриги чиновниковъ, которые безуспѣшно пытались раздѣлить насъ.

Дѣятельность моя по введенію новыхъ пріемовъ въ производство банковыхъ операцій, начатая еще въ бытность мою старшимъ директоромъ коммерческаго банка, продолжалась и по преобразованіи послѣдняго въ государственный банкъ. О прямомъ противодѣйствіи моимъ мѣропріятіямъ со стороны подчиненныхъ мнѣ банковыхъ служащихъ не могло быть, конечно, и рѣчи, но все же мнѣ приходилось выдерживать борьбу съ установившеюся въ теченіе долгихъ лѣтъ рутиною.

Такъ однажды, когда изъ казначейства поступило въ одинъ пріемъ до двухъ милліоновъ рублей, старикъ кассиръ Иванъ Ивановичъ Жуковъ, прослужившій въ коммерческомъ банкѣ 50 лѣтъ, говоритъ мнѣ: „Ваше превосходительство, нельзя принять въ одинъ день такой суммы“. Я ему спокойно отвѣтилъ: „Пожалуйста никогда мнѣ этого не говорите; сколько бы вамъ ни принесли денегъ—20, 30, 200 милліоновъ—вы все должны принять. Если у васъ не хватаетъ счетчиковъ, увеличьте ихъ составъ“.

Даже такая обычная операція, какъ учетъ векселей, встрѣчала на первыхъ порахъ большія затрудненія. Ни одинъ изъ директоровъ банка понятія не имѣлъ о томъ, что такое векселя, какія они даютъ права и возлагаютъ обязанности. Прежде среди купечества нерѣдко считалось стыдомъ пойти въ ком-

мерческій банкъ; многіе купцы, покупая товаръ подъ векселя, ставили условіемъ, чтобы векселя не предъявлялись въ банкъ къ учету. Самый учетъ векселей въ коммерческомъ банкѣ носилъ чисто формальный характеръ. Размѣры вексельнаго кредита были заранѣе установлены въ зависимости отъ принадлежности къ той или другой гильдіи, при чемъ купцы 1-й гильдіи пользовались кредитомъ до 50 тыс. руб., 2-й гильдіи— до 30 тыс. руб. и 3-й— до 15 тыс. руб. Обычно векселя представлялись въ банкъ особыми маклерами и безпрекословно принимались къ учету директорами банка, которые не давали себѣ даже труда оцѣнить внутреннее достоинство векселя, подписей на немъ и т. д. Получая за свое посредничество огромныя деньги, маклера естественно стремились отблагодарить администрацію банка и, по обычаю, ежегодно на Казанскую Божью Матерь (22 октября) устраивали обѣдъ для высшихъ чиновниковъ министерства финансовъ. Такимъ образомъ, изъ своей прибыли, достигавшей, быть можетъ, 80 тыс. руб. въ годъ, они расходовали тысячъ около 10 на обѣдъ, который удостоивали своимъ присутствіемъ и самъ Княжевичъ и директора. Обѣды эти были мною отмѣнены; при мнѣ состоялся только одинъ такой обѣдъ. Какъ только я началъ свою дѣятельность въ банкѣ, первая бумага была послана маклерамъ съ увѣдомленіемъ, чтобы они больше не приходили въ банкъ, который началъ принимать къ учету векселя непосредственно отъ ихъ обладателей. вмѣстѣ съ тѣмъ, было циркулярно объявлено, что всѣ желающіе имѣть дѣло съ банкомъ по учету векселей, должны обращаться въ правленіе банка къ управляющему и представлять рекомендацію двухъ извѣстныхъ лицъ. И всѣ купцы начали съ тѣхъ поръ, минуя посредниковъ, прямо обращаться къ услугамъ банка.

Чековая операція была вовсе незнакома коммерческому банку; многіе находили, что такой способъ расплаты совершенно невозможенъ. Тѣмъ не менѣе введенное мною, по образцу иностранныхъ банковъ, чековое обращеніе прочно привилось и распространилось въ нашемъ торгово-промышленномъ обиходѣ.

Въ отношеніи снабженія отдѣльныхъ учреждений государственнаго банка кредитными билетами мною была изобрѣтена нигдѣ въ то время не извѣстная система. Въ каждомъ учрежденіи банка, кромѣ оборотной кассы, установлены были особыя бумажные запасы. Благодаря этому, усиленіе нуждающагося въ кредитныхъ билетахъ учрежденія банка за счетъ изобилующаго этими билетами учрежденія могло быть осуществлено безъ

пересылки билетовъ изъ одной кассы въ другую. Такъ, напримеръ, если въ Одессѣ необходимо подкрѣпить кассу на 20 милліоновъ руб. кредитныхъ билетовъ и если въ то же время въ Москвѣ наличность кассы можетъ быть сокращена на тѣ же 20 милл. руб., то управляющему банкомъ достаточно сдѣлать распоряженіе по телеграфу, чтобы въ первомъ изъ этихъ городовъ необходимая сумма была переведена изъ запасовъ въ оборотную кассу, а, во второмъ, напротивъ, та же сумма была бы обращена изъ оборотной кассы въ запасъ. Пока кредитные билеты лежатъ въ запасѣ, они не являются деньгами и, слѣдовательно, приведенная операція, устраняя необходимость перевозки кредитныхъ билетовъ изъ одной банковской кассы въ другую, въ то же время не измѣняетъ общаго количества находящихся въ обращеніи денежныхъ знаковъ. На первый взглядъ можетъ показаться страннымъ, что отдѣльнымъ банковымъ учрежденіямъ ввѣряется храненіе значительныхъ суммъ кредитныхъ билетовъ, которыми они въ состояніи воспользоваться по своему усмотрѣнію безъ прямого распоряженія управляющаго. Однако, возможность подобнаго рода случаевъ предупреждается наличностью строгаго контроля. Прежде всего, запасы кредитныхъ билетовъ могутъ быть вскрыты не иначе, какъ управляющимъ соответствующаго банкаго учрежденія совместно съ кассиромъ и контролеромъ. Затѣмъ, всѣмъ находящимся съ запасѣ билетамъ, которые большею частью новые и хранятся въ пачкахъ, всегда извѣстенъ счетъ. Наконецъ, управляющій банкомъ можетъ въ любое время сдѣлать распоряженіе по телеграфу о повѣркѣ кассы и запасовъ полнымъ составомъ служащихъ даннаго учрежденія, начиная съ младшихъ чиновъ. При такой повѣркѣ всякая неправильность кѣмъ-нибудь да будетъ обнаружена.

Самый порядокъ выпуска кредитныхъ билетовъ претерпѣлъ существенныя измѣненія. Въ прежнее время бумажные денежные знаки выпускались экспедиціею кредитныхъ билетовъ, подчиненною непосредственно министру финансовъ, при чемъ находившіеся въ народномъ обращеніи кредитные билеты не имѣли никакого соотношенія съ балансомъ коммерческаго банка. Съ учрежденіемъ же государственнаго банка экспедиція государственныхъ кредитныхъ билетовъ была присоединена къ банку, на который перешли вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣ ея обязанности по выпуску и обмѣну кредитныхъ билетовъ. Практическое послѣдствіе этой мѣры заключалось въ томъ, что выпуски кредитныхъ билетовъ для надобностей казны должны были про-

изводиться не государственнымъ казначействомъ, а государственнымъ банкомъ, заносившимъ соотвѣтствующую сумму долгомъ государственнаго казначейства. Министерство финансовъ становилось какъ бы заинтересованнымъ въ скорѣйшемъ погашеніи выпущенныхъ для государственныхъ надобностей кредитныхъ билетовъ, дабы уменьшить свой долгъ государственному банку.

Одновременно съ этимъ предоставленная банку привилегія хранить на текущемъ счету всѣ наличныя свободныя суммы государственнаго казначейства значительно облегчила переводъ денежныхъ средствъ изъ одного казначейства въ другое, устранивъ необходимость широко прежде примѣнявшейся пересылки кредитныхъ билетовъ на подводахъ.

Я первый ввелъ въ банкѣ систему единства кассы, давшую толчекъ къ осуществленію соотвѣтствующаго преобразованія въ области нашего государственнаго хозяйства.

Всѣ инструкціи по банковымъ операціямъ и дѣлопроизводству были собственноручно мною написаны. Счетоводство и книги я завелъ такія же, какъ во французскомъ банкѣ (двойная бухгалтерія, балансъ и т. д.).

Организація низшихъ служащихъ банка (счетчиковъ и др. была мною поставлена на артельныя начала и, такимъ образомъ, банковская администрація освобождена была отъ необходимости выбирать людей для замѣщенія многихъ сотенъ второстепенныхъ, но тѣмъ не менѣе требующихъ безусловной честности и добросовѣстности должностей, такъ какъ артельщики, отвѣчая другъ за друга, сами принимаютъ въ свою среду новыхъ членовъ.

Словомъ, пришлось вводить въ банкѣ, въ 60-хъ годахъ, европейскіе нравы.

На-ряду съ проводимыми реформами необходимо было энергично упразднять различныя, усвоенныя въ прежнее время, обычаи, налагавшіе тѣнь на служащихъ въ банкѣ. Какъ извѣстно, размѣнъ кредитныхъ билетовъ на золото не былъ окончательно пріостановленъ послѣ войны; въ отдѣльныхъ случаяхъ по мѣрѣ надобности и отчасти въ зависимости отъ усмотрѣнія кассировъ, кредитные билеты обмѣнивались на золото. За эту-то услугу и приносилась обычно благодарность кассиру и его помощнику въ видѣ присылаемыхъ къ празднику подарковъ. Самъ баронъ Штиглицъ за два года передъ своимъ вступленіемъ въ управленіе государственнымъ банкомъ подарилъ кассиру карету. Короче сказать, это была общая привычка, отъ которой надо было отучить.

Справедливость требуетъ при этомъ отмѣтить, что всѣ проводившіяся въ банкѣ преобразованія встрѣчали сочувствіе со стороны высшихъ государственныхъ установленій. Даже такой человекъ, какъ генераль-адъютантъ Чевкинъ, предсѣдатель департамента государственной экономіи Государственнаго Совѣта и членъ совѣта государственныхъ кредитныхъ установленій, не вмѣшивался въ дѣла банка. Несмотря на свой формализмъ и тяжелый вообще характеръ, Чевкинъ, знавшій меня хорошо по географическому обществу, довѣрялся мнѣ въ моихъ начинаніяхъ. Это было тѣмъ болѣе удивительно, что, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, Чевкинъ отличался чрезвычайною мелочностью. Такъ рассказывали, что когда главное общество желѣзныхъ дорогъ назначило главнымъ производителемъ работъ по постройкѣ желѣзнодорожныхъ линій Колинъона съ присвоеніемъ ему званія генераль-аншефа, Чевкинъ былъ этимъ крайне недоволенъ, находя, что названіе это подрываетъ его авторитетъ, какъ главнаго начальника путейскаго вѣдомства. Недаромъ Перейра, имѣвшій массу непріятностей съ Чевкинымъ по образованію того же главнаго общества, говорилъ мнѣ съ досадою, что турецкій султанъ обладаетъ Босфоромъ, а Русскій Императоръ, къ сожалѣнію, Босфоромъ (Чевкинъ былъ горбатъ).

Въ 1867 году, послѣ оставленія банка барономъ Штиглицемъ я былъ назначенъ управляющимъ государственнымъ банкомъ и состоялъ въ этой должности до середины 1881 года. Такимъ образомъ, большая часть моей службы въ банкѣ совпала съ временемъ пребыванія во главѣ министерства финансовъ М. Х. Рейтерна. Отношенія между мною и этимъ просвѣщеннымъ министромъ были всегда самыя хорошія. Отличаясь нѣкоторымъ упрямствомъ, Рейтернъ имѣлъ за собою и крупныя нравственныя качества; изъ нихъ я особенно цѣнилъ одно: убѣдившись въ достоинствѣ человека, онъ становился на рѣдкость вѣрнымъ другомъ. Въ доказательство искренности нашихъ отношеній съ Рейтерномъ я приведу случай, имѣвшій мѣсто въ 1863 году, тотчасъ по прекращеніи открытаго въ 1862 году размѣна на золото кредитныхъ билетовъ. Въ это время для исправленія пошатнушагося вексельнаго курса начались разныя биржевыя махинаціи, неизвѣстныя банку и осуществлявшіяся при посредствѣ предсѣдателя Петербургскаго биржевого комитета Брандта. Этотъ послѣдній, возмечтавъ, по видимому, что онъ можетъ управлять даже дѣлами государственнаго банка, пріѣзжаетъ какъ-то ко мнѣ и заявляетъ: „Я хочу съ вами переговорить. Вы должны свободнѣе производить учетъ:

я вамъ скажу, кому слѣдуетъ давать деньги и кому не слѣдуетъ". Я ему на это отвѣтилъ: „Убирайтесь къ чорту. Дѣлайте сами, что хотите, а въ банкѣ хозяинъ я“. Онъ тогда отправился къ министру финансовъ, а я написалъ Рейтерну, что или я отвѣчаю за веденіе банковскихъ операцій, или пусть онъ поручитъ завѣдываніе ими Брандту, а я дѣлать того, что хочетъ Брантъ, не желаю. Министръ сейчасъ же просилъ меня пріѣхать къ себѣ; въ происшедшемъ между нами разговорѣ я, между прочимъ, сказалъ: „въ банкѣ я считаю себя хозяиномъ; вы ваши вексельныя операціи ведите какъ хотите, а за дѣятельность банка я ручаюсь и никому постороннему не позволю входить въ мои распоряженія“. Рейтернъ меня ласково успокоилъ и вполне согласился съ моимъ взглядомъ на нежелательность какого бы то ни было посторонняго вмѣшательства въ дѣла банка. Инцидентъ этотъ былъ, такимъ образомъ, благополучно исчерпанъ.

ХІ.

Дѣятельность государственнаго банка въ первые два года его существованія.—Выпускъ 4% металлическихъ билетовъ.—Взглядъ барона Штиглица на эти билеты.—Паденіе курса кредитнаго рубля и мѣры къ предотвращенію отлива размѣнной монеты за границу.—Чеканка серебряной монеты 72 пробы во Франціи. Недостаточность произведеннаго въ 1860 году пониженія цѣнности размѣнной монеты.—Предложеніе проф. Н. Х. Бунге о выпускѣ мелкихъ бумажныхъ денежныхъ знаковъ.—Проектъ Е. И. Ламанскаго о пониженіи стоимости размѣнной монеты до 50% нарицательной ея цѣны.—Операціи барона Штиглица по поддержанію курса кредитнаго рубля.

Съ учрежденіемъ государственнаго банка, на него перешла обязанность по ликвидаціи бывшихъ кредитныхъ установленій. Нѣкоторое упрощеніе въ это дѣло внесено было произведеннымъ въ 1860 году разборомъ специальныхъ капиталовъ отдѣльныхъ правительственныхъ учрежденій. Какъ извѣстно, при Императорѣ Николая Павловичѣ, каждое вѣдомство располагало многочисленными капиталами и доходами, которые, за покрывтіемъ упадавшихъ на нихъ расходовъ, передавались, обычно, на храненіе, въ видѣ вкладовъ, въ государственныя кредитныя установленія. Происхожденіе большинства вкладовъ этого рода носило характеръ явныхъ злоупотребленій: всѣ остатки отъ кредитовъ по какому-либо учрежденію не возвращались въ концѣ года въ государственное казначейства, а обращались какъ бы въ собственность этого учрежденія. Такъ постепенно образовались вклады: на диспозицію того или другого мини-

стра, на устройство парка военного министра и т. д. Преобразователь нашей смѣтной, кассовой и ревизіонной системы В. А. Татариновъ первый обратилъ вниманіе на ненормальность подобныхъ порядковъ, и засѣдавшая подъ его предсѣдательствомъ комиссія, въ которую былъ приглашенъ и я, установила для государственныхъ доходовъ и расходовъ примѣненную уже ранѣе къ операціямъ государственнаго банка систему единства кассы. При дѣйствіи этой системы, всѣ государственные доходы, по какому бы вѣдомству они ни поступали, должны были обращаться въ общіе ресурсы государственнаго казначейства съ покрытіемъ за счетъ средствъ послѣдняго и всѣхъ возникавшихъ по отдѣльнымъ вѣдомствамъ расходовъ. Засимъ, комиссія потребовала отъ всѣхъ административныхъ мѣстъ подробные списки ихъ капиталовъ вмѣстѣ съ вкладными билетами и тѣ вклады, которые составились изъ бюджетныхъ средствъ, просто обратила въ ресурсы казны, уничтоживъ соответствующіе билеты. Такимъ образомъ, оказалось возможнымъ погасить на нѣсколько десятковъ милліоновъ рублей долгъ государственному банку.

При всемъ томъ, ликвидація прежнихъ кредитныхъ установленій являлась тяжелымъ бременемъ для государственнаго банка. Хотя, согласно уставу банка, расходы по этой операціи, не покрывавшіеся поступлениями платежей отъ заемщиковъ прежнихъ кредитныхъ установленій, должны были ложиться на средства государственнаго казначейства, однако послѣднее не предоставляло банку какихъ-либо дополнительныхъ сверхъ означенныхъ поступленій ресурсовъ. А такъ какъ сумма платежей по ссудамъ оказывалась первое время недостаточною для удовлетворенія продолжавшагося востребованія вкладовъ, то банку приходилось самому изыскивать источники для производства расходовъ по ликвидаціи бывшихъ кредитныхъ установленій.

На-ряду съ этимъ на государственный банкъ пала обязанность по выдачѣ выкупныхъ бумагъ помѣщикамъ за отходившую отъ нихъ къ крестьянамъ землю. Выкупныя свидѣтельства не имѣли на биржѣ обширнаго хода, и разумѣется спекулянты пользовались этимъ, предлагая за 5% свидѣтельства несоразмѣрную съ ихъ доходностью цѣну. Но помѣщики, стремившіеся обратить процентныя бумаги въ наличныя деньги, обращались къ продажѣ ихъ, не останавливаясь ни предъ какою цѣною. Въ виду этого, государственный банкъ съ цѣлью удерживать нѣсколько цѣну выкупныхъ свидѣтельствъ, предоставлялъ

каждому, приступившему къ выкупу, помѣщику, если ему причиталось получить, за переводомъ долга прежнимъ кредитнымъ учрежденіямъ, выкупную сумму, обращать часть ея въ наличныя деньги не по биржевой цѣнѣ, а по номинальной. Слѣдовательно, въ этомъ отношеніи помѣщики получили огромную льготу за счетъ государственнаго банка.

При объясненныхъ условіяхъ операціи государственнаго банка были крайне затруднены въ своемъ развитіи. Тѣ кредитные билеты, которые пришли къ нему на помощь изъ государственнаго казначейства, были обращены на уплату долга казны государственному банку, который и послѣ того не могъ дѣйствовать съ необходимою широтою. На развитіе потребностей торговли кассы банка были постоянно недостаточны. Поэтому, для возможнаго расширенія банковыхъ операцій, управляющій банкомъ баронъ Штиглицъ придумалъ особый ресурсъ. Дабы не прибѣгать къ выпуску новыхъ кредитныхъ билетовъ за счетъ казначейства и не требовать отъ него новыхъ бумагъ, которыя, можетъ быть, встрѣтили бы препятствіе къ реализаціи, въ виду появленія уже въ то время на рынкѣ акцій нѣкоторыхъ крупныхъ предпріятій, какъ, на примѣръ, главнаго общества желѣзныхъ дорогъ, Риго-Динабургской жел. дор., Черноморскаго общества пароходства и торговли и другихъ частныхъ обществъ, управляющій банкомъ пришелъ къ мысли выпустить, для усиленія его средствъ, 4⁰/₀ металлическіе билеты, которые должны были имѣть хожденіе, какъ наличныя деньги, наравнѣ съ кредитными билетами, и подлежали приему: между частными лицами—въ уплату по долгамъ и обязательствамъ, въ казну—по платежамъ государственныхъ сборовъ и податей и, наконецъ, въ государственномъ банкѣ—въ уплату по ссудамъ и по учету векселей. Билеты эти, выпускавшіеся серіями и выдававшіеся банкомъ за наличныя деньги или кредитные билеты, были трехсотрублеваго достоинства и приносили 4⁰/₀ въ годъ, которые засчитывались по днямъ за каждый мѣсяць, при чемъ платежъ процентовъ и погашеніе билетовъ по тиражу производились въ металлической валютѣ, но до срока оплаты купоны засчитывались по цѣнѣ кредитнаго рубля. Однимъ словомъ, это были тѣ же кредитные билеты, приносившіе, однако, проценты и размѣнные на золото въ срокъ. Первое время металлическіе билеты доставляли банку наличныя деньги. Многіе охотно покупали ихъ, такъ какъ въ ту пору, когда размѣнъ былъ уже совершенно пріостановленъ, 4⁰/₀ билеты представляли собою извѣстное удобство для лицъ, кото-

рыя могли продержать ихъ до погашенія или до полученія процентовъ въ опредѣленный срокъ. Билеты эти являлись бумажными знаками, способными ходить за границу. Иностраные капиталисты охотно брали ихъ, выжидая наступленія какъ срокомъ оплаты купоновъ, такъ и погашенія билетовъ для полученія процентовъ и капитала золотомъ. Къ тому же погашеніе 4⁰/₀ билетовъ совершалось въ 41 годъ, т.-е. въ довольно краткій для займовъ срокъ, при чемъ, по мѣрѣ паденія курса, билеты приносили не 4⁰/₀, а гораздо болѣе. вмѣстѣ съ тѣмъ, 4⁰/₀ билеты имѣли и свои недостатки; такъ, въ частности, при возникновеніи на рынкѣ требованій на наличныя деньги металлическіе билеты могли снова поступить въ кассы банка и, слѣдовательно, лишить банкъ необходимыхъ для исполненія его обязательствъ кредитныхъ билетовъ. Металлическихъ билетовъ было выпущено сначала на 48 милл. руб.

Устанавливая 4%-ные банковые металлическіе билеты, баронъ Штиглицъ рассчитывалъ постепенно замѣнить ими всѣ находящіеся въ обращеніи кредитные билеты, при чемъ мысль эта совпадала съ тѣмъ планомъ, который имѣла въ виду банковская комиссія 1859 года. Предположеніе Штиглица, однако, не осуществилось. Государство въ каждомъ новомъ финансовомъ средствѣ видѣло свой ресурсъ. Оно вносило эти 4⁰/₀ билеты въ уплату своего долга, тогда какъ это не входило конечно ни въ цѣли комиссіи, ни въ расчеты покойнаго управляющаго государственнымъ банкомъ. Нельзя при этомъ не отмѣтить того различнаго отношенія, которое проявлялъ баронъ Штиглицъ къ кредитнымъ билетамъ и къ 4⁰/₀-нымъ металлическимъ билетамъ. Вскорѣ послѣ образованія государственнаго банка произошла перемѣна формы кредитныхъ билетовъ. Штиглицъ ни за что не хотѣлъ дать своей подписи на новыхъ кредитныхъ билетахъ и, такимъ образомъ, всѣ они вышли за мою подписью. Я объясняю это деликатностью банкира, который считалъ, что тамъ, гдѣ онъ далъ свою подпись, содержаніе, предшествующее подписи, должно соответствовать истинѣ, а потому подписать на неразмѣнныхъ кредитныхъ билетахъ обязательство уплатить ихъ звонкою монетою или золотомъ, было для него неудобнымъ. Напротивъ того, давать свою подпись на 4⁰/₀-ныхъ банковыхъ билетахъ баронъ Штиглицъ не затруднялся.

Съ открытіемъ государственнаго банка всякіе исключительные размѣны кредитныхъ билетовъ на золото или вообще на звонкую монету были прекращены: ни казенныя мѣста, ни частныя лица не имѣли права получать золота, даже въ видѣ

исключенія, которымъ пользовались въ предыдущее время по особому разрѣшенію министра финансовъ. Понятно, что совершенная пріостановка размѣна произвела свое вліяніе на денежное обращеніе: съ одной стороны, курсъ кредитныхъ билетовъ падалъ, а съ другой, вся звонкая монета, находившаяся еще въ публикѣ, постепенно и довольно быстро утекала за границу. Въ денежномъ обращеніи въ Россіи не только не осталось крупныхъ монетъ—золотыхъ и серебряныхъ, но началось движеніе за границу даже мелкой звонкой монеты. Обнаружившійся недостатокъ въ мелкой монетѣ побудилъ прибѣгнуть къ измѣненію ея пробы. Въ 1860 году правительство перешло къ чеканкѣ мелкой монеты, начиная съ двугривенныхъ, 72 пробы, вмѣсто принятой прежде 83¹/₂ пробы, думая этимъ остановить вывозъ звонкой монеты за границу. Между тѣмъ, дальнѣйшее паденіе курса кредитнаго рубля показало вскорѣ недостаточность этой мѣры. На первыхъ же порахъ существованія государственнаго банка, при продолжавшемся паденіи курса рубля, оказалось, что и новая звонкая монета почти цѣликомъ перешла за границу, вслѣдствіе чего уже въ 1861 году у насъ стали ощущаться крайній недостатокъ размѣнныхъ денежныхъ знаковъ. Но какъ разъ въ это время случилось одно обстоятельство, которое помогло намъ выйти изъ затруднительнаго положенія, осложнявшагося, между прочимъ, невозможностью для нашего монетнаго двора быстро отчеканить большое количество мелкой звонкой монеты. Французскій банкъ обратился къ намъ съ просьбою предоставить ему на короткій срокъ около 8 милл. руб. золотомъ. Государственный банкъ, при отсутствіи у насъ тогда размѣна кредитныхъ билетовъ на золото, нашелъ тѣмъ не менѣе удобнымъ и выгоднымъ согласиться на предложенную операцію и по желанію правительства передалъ французскому банку до 30 милл. франковъ все больше на короткій срокъ. При этомъ государственный банкъ могъ получить эти деньги обратно изъ-за границы либо золотомъ-либо серебромъ; золото тогда не играло еще такой роли, какъ нынѣ. Въ виду недостатка звонкой монеты, государственный банкъ рѣшилъ потребовать возврата долга серебромъ и перечеканить его во Франціи же въ русскую монету. О производствѣ этой работы сдѣланы были переговоры съ Парижскимъ и Страсбургскимъ монетными дворами, посланы были туда наши матрицы и подъ присмотромъ французскихъ монетныхъ дворовъ, французскаго контроля и представителей нашего монетнаго двора вся эта сумма—около 30 милл. франковъ, т. - е. до 9 милл. руб. сер.

была перечеканена и доставлена къ намъ. Такимъ способомъ былъ прекращенъ острый недостатокъ въ звонкой монетѣ, при чемъ самая чеканка ея во Франціи обошлась дешевле, чѣмъ стоила бы на нашемъ монетномъ дворѣ. Операція эта была затѣяна въ маѣ 1861 года и окончена къ октябрю того же года и представила собою единственный случай чеканки нашей монеты за границу; потомъ нашъ монетный дворъ сталъ продолжать чеканку у себя.

Объясненная мѣра удовлетворила рынокъ звонкою монетою только на первое время, такъ какъ, въ связи съ паденіемъ курса кредитнаго рубля, отливъ размѣнной монеты за границу не прекращался. Поэтому передъ банкомъ вскорѣ возникъ вопросъ о дальнѣйшемъ пониженіи пробы размѣнной монеты. Для обсужденія этого вопроса образована была комиссія, въ составъ которой вошли: я, Н. Х. Бунге, представители монетнаго двора и горнаго вѣдомства. Бунге высказался въ этой комиссіи противъ дальнѣйшаго пониженія цѣнности размѣнной монеты въ виду невозможности заранѣе предвидѣть предѣла паденія курса кредитнаго рубля и указалъ на предпочтительность выпуска мелкихъ бумажныхъ денежныхъ знаковъ на подобіе Австріи или Италіи. Но проектъ Бунге, къ счастью, не былъ утвержденъ министромъ финансовъ, который остановился на моей мысли о пониженіи достоинства мелкой серебряной монеты до 48 пробы. Предположеніе это было приведено въ исполненіе, начиная съ 1867 года.

По вступленіи Россіи на путь бумажнаго (неразмѣннаго) денежнаго обращенія, рядомъ съ паденіемъ стоимости кредитнаго рубля, возникла опять старая система поддержанія курса его разными операціями на биржѣ. Слѣдуетъ замѣтить, что даже во время существовавшаго въ царствованіе Императора Николая I размѣна кредитныхъ билетовъ, кредитный рубль по своей цѣнности не былъ равенъ металлическому рублю. Колебанія въ курсѣ постоянно продолжались, хотя и происходили въ тѣсныхъ предѣлахъ, опредѣлявшихся расходами на пересылку. Такъ, если мы посмотримъ на котировку того времени, то увидимъ, что кредитный рубль не всегда равнялся 100 коп. металломъ, а иногда понижался до 98 коп. металломъ. Поддержаніе курса кредитнаго рубля составляло всегда одну изъ главныхъ заботъ правительства. Особенно обращалъ на это вниманіе покойный Императоръ Николай I, каждую пятницу спрашивавшій министра финансовъ о состояніи курса, при чемъ малѣйшее пониженіе его вызывало безпокойство. И министрамъ фи-

нансовъ приходилось постоянно чрезъ банкировъ и гофъ-маклеровъ играть на биржѣ, поддерживая курсъ разными операціями.

Когда былъ образованъ государственный банкъ, въ уставъ котораго трассировка иностранныхъ векселей не входила, эта операція была поручена, независимо отъ прочихъ операцій банка, лично его управляющему барону Штиглицу, какъ бывшему банкиру. Для исполненія указанной операціи въ число директоровъ банка баронъ Штиглицъ пригласилъ служившаго у него купца Эстерейха, на котораго возложена была вексельная операція съ предоставленіемъ приватнаго занятія иностранною курсовою операціею, подъ руководствомъ самого Штиглица. Операція эта, сосредоточившаяся въ особомъ отдѣленіи съ бланкомъ „Foreign office“, была ведена отдѣльно отъ всѣхъ счетовъ государственнаго банка и находила себѣ отраженіе только въ балансѣ банка. Государственный банкъ не принималъ непосредственнаго участія въ трассированіи иностранныхъ векселей; это была частная операція барона Штиглица и Эстерейха, банкъ только уплачивалъ деньги по ихъ ордерамъ.

Между тѣмъ, подъ вліяніемъ выпуска акцій и облигацій главнаго общества желѣзныхъ дорогъ, возбужденнаго состоянія промышленности и усилившихся заказовъ за границу по морскому и военному вѣдомствамъ, наши платежи за границу значительно увеличились. Обстоятельство это, въ связи съ прекращеніемъ размѣна и постепеннымъ паденіемъ курса кредитнаго рубля, ставило иногда правительство въ крайне тяжелое положеніе. Отпускъ золота изъ Россіи былъ приостановленъ, никакихъ мѣръ къ возстановленію цѣнности рубля не было предпринимаемо. Необходимость же перевода значительныхъ суммъ за границу въ соотвѣтствіи съ возростаніемъ иностранныхъ платежей государственнаго казначейства, налагала на государственный банкъ затрату значительныхъ суммъ на иностранныя банковскія операціи. При такихъ условіяхъ вновь придуманные барономъ Штиглицемъ 4⁰/₀-ные металлическіе билеты имѣли главное значеніе для банковской иностранной операціи и явились способомъ къ открытію русскому правительству значительныхъ кредитовъ подъ обезпеченіе этихъ бумагъ. Такимъ образомъ, въ періодъ паденія курса министерство финансовъ постоянно производило операціи, которыми думало поддержать курсъ. Сущность этихъ операцій состояла въ томъ, что предъ наступленіемъ срочныхъ иностранныхъ платежей правительства по его обязательствамъ, государственный банкъ поднималъ искусственно курсъ, выдавая отъ себя

тратты на заграничныхъ банкировъ, дабы затѣмъ приобрѣсти деньги для заграничныхъ выплатъ по болѣе дешевой цѣнѣ. Ошибка этой операціи, которая была въ послѣдствіи, какъ увидимъ ниже, брошена, состояла въ томъ, что правительство продавало иностранныя деньги по расчету на болѣе высокій, чѣмъ въ дѣйствительности, курсъ кредитнаго рубля и тѣмъ самымъ заставляло частныхъ лицъ продавать по той же цѣнѣ причитающіеся имъ за границею платежи. Такими мѣрами правительство налагало на себя какъ бы обязательство всегда защищать курсъ отъ паденія и останавливать переходъ денегъ за границу.

Сообщ. дочь Е. И. Ламанскаго, А. фонъ-Таль.

(Продолженіе слѣдуетъ).

